

Еще одно слово о Коста

ТЕАТР

Столетний юбилей Коста—слишком значительная дата в жизни осетинского народа, чтобы вместиться в несколько дней. Начавшись 15 октября, юбилейный праздник продолжается и сейчас. В эти торжественные для Осетии дни народ встречается со своим любимым поэтом в музеях, в залах кинотеатров, в Северо-Осетинском музыкально-драматическом театре. С волнением и любовью смотрят люди на знакомый облик. Коста до сих пор идет рядом со своим народом как близкий и дорогой друг. Вот таким мы и видим его на сцене осетинского театра,— другом своего народа.

Можно, конечно, спорить об этом спектакле, ибо он не лишен недостатков, но в нем достигнуто главное: показаны истоки глубоко человеческой поэзии Коста, коренящиеся в его близости к народу.

Начинается спектакль торжественно. Музыкальное вступление (оркестр и хор) как бы поднимает зрителя, и когда с последними звуками музыки раскрывается занавес и виден Коста, стоящий, задумавшись, на фоне родных гор,—это зрелище является как бы завершающим аккордом музыки. Раздаются аплодисменты зрителей. Артист М. Икаев достиг большего, чем только внешнее сходство. Его Коста прежде всего—поэт, поэт-гражданин. Задумчивый, серьезный взгляд, мягкая походка, собранная в моменты борьбы воля, превосходство ума и осознанной правоты в схватках с властями, юмор,—все эти черты воссоздают образ Коста.

Идущая рядом личная тема неразделенной любви к Анне Цаликовой дополняет картину печальной судьбы поэта. В первой картине Коста в родном ауле, со своим народом. Он горячо принимает к сердцу и тяжелое детство горской бедноты, и несправедливые притеснения полиции, он приветствует ростки протеста обиженных (в этом суть его отношения к Габо). Дальше, когда Коста активно борется за права народа, он мужествен и стоек. Все это радует и волнует.

Но именно потому, что в спектакле столько хорошего, что он является как бы живым памятником Коста, необходимо предъявить к нему особо высокие требования. Верится, что он может еще расти—настолько верные заложены в нем основы. Большие требования должны быть направлены в адрес драматурга. В пьесе много немотивированных ходов действия. Например, в первой картине, во время вспышки народного гнева, в решающий момент спора с приставом, друзья вынуждают Коста уйти. С точки зрения характера Коста — это художественная неправда: он не ушел бы. Можно упрекнуть автора и за недостаточную разработку массовых сцен: народ в Наре и толпа на балу выглядят одинаково инертными; сцены эти решены театром схематично.

Спорно облегченно-комедийное решение образов Каханова, Гаппо Баева и Асланбека. Делая врагов Коста только смешными и слабыми, автор пьесы Д. Туаев, прежде всего, грешит против исторической правды, в особенности по отношению к Каханову. Не так-то просто было с ним бороться! А Гаппо и Асланбек выглядят просто глупцами—это снижает драматизм положения Коста, притупляет остроту его борьбы. Необходимо усилить этих трех противников Коста.

Спорен также прием введения в ткань пьесы стихов. Конечно, он продиктован стремлением дать образ поэта в непрестанном творческом восприятии действительности, однако порой этот прием выглядит наивным: ведь поэт вывывается не в количестве произнесенных им стихов.

Впечатления внешнего мира должны быть освоены и продуманы для того, чтобы вылиться в стихи. А когда вслед за непосредственным впечатлением, полученным от действительности, поэт сразу читает стихи, то начинает казаться, что они у него готовы на каждый случай жизни. Да и не везде стихи вяжутся с действием. Например, в сцене у Каханова, когда Коста объявляют о его высылке из Терской области, он отвечает: «В тюрьме ясней мне чудится свобода»... Здесь стихи введены чисто механически, по признаку близости темы.

И в последней картине, в парке, прощаясь с Анной, поэт, такой простой, чуждый всяческой аффектации, вдруг читает Анне стихи: «Зачем мы встретились»... Это противоречит его характеру. Нет, не стал бы Коста в такой момент читать стихи! Зато прекрасно звучат стихи в первой и второй картинах, в финале спектакля.

Хочется пожелать исполнителю больше разнообразия их произношения: то вспоминая, то импровизируя, то намеренно читая...

Оценивая спектакль в целом, нужно, прежде всего, сказать о режиссуре. В его работе чувствуется культура, вдумчивость, понимание внутреннего мира поэта. Хорошо, что он сознательно избегает бытовых красок, которыми иногда злоупотребляет осетинский театр. О поэте сказано поэтическим языком. Это хорошо, и тем досаднее отдельные смещения в целом верно найденного жанра. Особенно портит впечатление прозаическая, серая будничная «толпа». Народ, как таковой, не опозитивирован в спектакле. Его образ, правда, задуман режиссером неплохо, но замысел этот так и не осуществился полностью. А на балу мы видим, к сожалению, толпу оперных «статистов». Вообще сцена бала у Шредерс грешит некоторой оперностью, что особенно характерно для танцев, слишком явно «поставленных» балетмейстером.

В спектакле есть ряд актерских удач. После Икаева, который особенно радует, так как он только второй год работает на профессиональной сцене после окончания вуза, нельзя не назвать его товарища по учебе—Томаева. Он создал обаятельный образ наивного и чистого бедняка-горца Габо, вырастающего в борца за справедливость. Это глубоко оптимистичный образ, окрашенный народным юмором.

В небольшой роли пристава выразителен третий представитель молодого поколения актеров—Туриев, нашедший интересную характерность,

Коста—артист М. Икаев.

И, наконец, четвертая, — Кулова, которая в роли Залины очень хороша — в начале своей наивной доверчивостью, своей хрупкой фигуркой, одеждой в бедное платице, и неожиданно холодна и риторична в конце.

Умная и простая Варвара Григорьевна Шредерс в исполнении заслуженной артистки Т. Кариаевой—настоящий друг Коста.

Обаятельна Анна. Как всегда, В. Уртаева создала богатый внутренний мир своей героини. Но хочется ей пожелать вначале найти правильный прием для передачи возраста.

Интересно, правомерно доммыслил театр отношения Коста и Анны. Драма Коста усугубляется его личной драмой, и это потрясает зрителя. Когда он появляется в последней картине больным, изменившимся, опираясь на палку, в зрительном зале проносится трепетный вздох. Еще больше волнует финал спектакля, говорящий о том, что, несмотря на гонения и личное несчастье, поэт верно служил народу и верил в его лучшее будущее.

Оформление спектакля задумано интересно, но, к сожалению, еще не доведено до конца. Рядом с поэтически выписанными горами на сцене уживаются исцарапанные в театральных бурях станки. Своими плоскими очертаниями они спорят с вольной линией гор. Костюмы, особенно в сцене бала, требуют доработки. Музыка А. Кокоты удачно дополняет образ спектакля.

Спектакль был поставлен в очень короткий срок, что, в известной мере, отрицательно сказалось на его качестве. Хочется пожелать, чтобы взволнованное слово, сказанное театром о Коста, прозвучало еще сильнее.

Е. МАРКОВА,

главный режиссер русского драмтеатра.

Сцена из спектакля. В центре — Коста и Анна (артистка В. Уртаева).

